
МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС: ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

*Смолин Олег Николаевич –
д.философ.н., профессор, зам.
Пред. Комитета по Образованию
Государственной Думы РФ.*

Прежде всего, о **природе и причинах кризиса**. Что касается кризиса в целом, то из того, что можно понять сейчас, вполне очевидно, что (1) кризис имеет мировой характер – практически нет государств, которые бы он не затронул, (2) этот кризис в наибольшей степени затронет и уже затронул государства, экономика которых имеет преимущественно сырьевой характер. Это заставляет задавать вопрос о том, является ли современный кризис обычным экономическим кризисом или на самом деле мы имеем окончание некоей «длинной волны» экономического развития и смену её другой «волной», на другом технологическом базисе. Думаю, что при различных точках зрения окончательный ответ сможем получить только тогда, когда кризис закончится. Как известно из Гегеля, сова Минервы вылетает к ночи, т.е. тогда, когда процесс уже завершён или близок к завершению.

В тоже время, как всем известно ещё из школьной программы, с середины XIX в. экономические кризисы являются законом развития капиталистического производства. А от того, что мы стараемся сейчас не употреблять термин «капитализм», мало что меняется. Хотя современный капитализм действительно отличается от капитализма времён Маркса очень значительно, в т.ч. тем, что, на мой взгляд, вступил в новую стадию - социального капитализма, - тем не менее, этих законов никто не отменял и, подозреваю, что в обозримой перспективе не отменит.

С другой стороны, очевидно, что современный кризис в некоторых своих проявлениях спровоцирован вполне конкретными причинами, в частности, развитием американской ипотечной системы и, прежде всего, развитием сложной системы кредитования. Сейчас ищут конкретных виновников в лице Нобелевских лауреатов, которые разработали соответствующую концепцию, позволившую нагромаждать кредиты на кредиты, производить «деньги из воздуха». Понятно, что подобная пирамида рано или поздно должна была лопнуть. Она и лопнула. Но Соединённые Штаты по-прежнему остаются ключевым игроком на международной экономической арене. И потому, если у современной мировой экономики заболела голова или сердце, то у нее заболят и все остальные органы, кризис от США должен быть развиваться и развивается по всем странам глобальной системы.

Что касается конкретной **ответственности конкретных социально-экономических сил** за вхождение в кризис, как мне представляется, с точки зрения социальных групп, прежде всего, повинна финансовая часть правящего класса, кото-

рая и делала «деньги из воздуха». Если говорить о правящих политических структурах, то хорошо известно, что в тех же Соединённых Штатах у власти давно находятся право-консервативные политические силы. И, несмотря на многочисленные заявления о том, что они проводят экономическую политику в духе монетаризма, это не помешало им в тех случаях, когда речь шла об обогащении финансовых кругов, вести себя более, чем расточительно.

Продолжим. Как я уже сказал, природа капиталистической системы существенно изменилась. Поэтому вряд ли можно говорить о том, что этот кризис является обычным кризисом перепроизводства. Поэтому, на мой взгляд, его правомерно связывать с теми изменениями, которые произошли после того, как мера социализации экономики существенно снизилась, снизилась мера ее регулирования. Эта связь носит достаточно общий характер. Успешное экономическое развитие, в том числе в рыночной экономике, может опираться во многом на развитие внутреннего рынка, а неолиберальная политика, право-консервативная волна, которую пережил мир в конце XX в., помимо всего прочего, относительно уменьшает и объём внутреннего рынка.

Но, думаю, что связь эта достаточно опосредованная, а что касается непосредственных связей, то «спусковым механизмом» этого кризиса стали бесконечные финансовые спекуляции.

При этом, однако, я глубоко убеждён, что **в прежнем виде капиталистическая система из этого кризиса не выйдёт**. Поэтому с достаточной вероятностью можно говорить, что этот кризис захватывает и системные стороны современного капитализма. Как и системные стороны современного производства. Существует гипотеза, согласно которой нефть и газ в качестве базиса развития современной экономики, после этого кризиса будут более интенсивно вытесняться другими её основаниями. Если это так произойдёт, то кризис пойдёт на пользу.

Обращаясь к **проблемам России**, я считаю, что **кризис показал крах политики, которая проводилась российским правительством и, в особенности, его финансово-экономическим блоком**, хотя и не только им.

Начнём с того, что долгое время российские власти кризис вообще отрицали. И по этому поводу возникло известное четверостишие:

Такого кризиса
Не видел белый свет –
Конец уж близится,
А кризиса всё нет.

В конце концов, на съезде «Единой России» осенью 2008 г. было совершено большое «открытие» – узнали, что кризис в стране происходит. Причём узнали тогда, когда на многих предприятиях металлургии спад составил 25-30%. Уже стали известны первые данные о развитии экономики в октябре-ноябре 2008 г. В ноябре, напри-

мер, промышленность «обвалилась» на 10% по отношению к октябрю 2008 г. и более чем на 8% по отношению к ноябрю 2007 г. Почти наверняка страна получит полноценную рецессию в 2009 г. Прогнозы есть самые печальные.

«Подушка безопасности», о которой так долго говорили в России, резко сократилась и едва ли не превратилась в «пух и перья». За короткий период примерно на треть сократились золотовалютные запасы Центрального банка России. Графики показывают, что если теми же темпами будут расходоваться средства, к лету 2009 г. от запасов не останется вообще ничего. Средства Стабилизационного (ныне – Резервного) фонда ныне стали очень активно использоваться на «затыкание дыр», возникших в России.

Замечу одну важную вещь. Долги российских предприятий, в т.ч. государственных предприятий, накануне кризиса по объёму примерно равнялись золотовалютным запасам Центрального банка. Это совпадение не случайно. Происходило примерно следующее. Россия вывозила свои финансовые ресурсы за рубеж, обращая их в иностранные ценные бумаги в лучшем случае под 3-4% годовых. Параллельно, поскольку ресурсов в стране не хватало, российские предприятия занимали деньги у иностранных банков уже под 8-12%. Иностранные банки зарабатывали на этом значительные средства, а российские предприятия несли значительные убытки. Темпы экономического развития значительно замедлялись по сравнению с теми, какие они могли бы быть, если бы в стране был достаточно дешёвый кредит. Произошло следующее: как только экономический кризис начался в США, иностранные деньги из России стали стремительно «утекать» и тогда пришлось делать то, что следовало делать с самого начала – кредитовать отечественную экономику из отечественных ресурсов.

С другой стороны, если посмотреть на прогнозы Международного валютного фонда, которые, скорее всего, «провалятся», в 2009 г. прогнозируется рост российской экономики примерно на 3% ВВП, китайской – 8% ВВП. Спад китайской экономики не случайно будет намного меньше – это прямо связано с её характером. Российская экономика осталась сырьевой. Китайская экономика – производящая. Наибольший спад происходит в сырьевых отраслях. Следовательно, если бы 2000-ые годы, когда Россия имела профицитный бюджет, средства были бы потрачены не на вывоз государственных ресурсов и превращение их в бумаги «Фанни Мэй» и «Фредди Маг», российская экономика была бы более производящей, а спад в ней был бы значительно меньше.

В кулуарах даже очень высокопоставленные российские представители власти признают, что вложение отечественных денег в американские ценные бумаги в условиях, когда они в значительной степени обесценились, было ошибкой. Тем не менее, злые языки рассказывают, что на каком-то из узких совещаний Алексей Кудрин в присутствии бизнесменов жёстко заявил: меня критикуют, что не давали денег, но

если бы эти деньги дали, их бы разворовали, и не было бы денег ни в виде «подушки безопасности», ни в экономике страны.

Помимо того, что Россия стала частью мировой рыночной экономики (хотели рыночную экономику – получили её вместе с кризисами, ибо не бывает в жизни достижений без недостатков), **экономическая ситуация в России резко обострилась в результате ультрамонетаристской политики, которая проводилась правительством**, при профицитном бюджете. Думаю, что годы правления Владимира Путина в качестве Президента через некоторое время будут вспоминать не как годы стабильности, а как годы упущенных возможностей. Предполагаю, что в обозримой перспективе такой благоприятной экономической конъюнктуры больше уже не будет.

А теперь давайте посмотрим, как влияет кризис на различные сферы российской экономики и общества. Судя по тем тенденциям, которые уже наблюдаем, во-первых, очень сильно страдают экспортные сырьевые отрасли. Во-вторых, наблюдается резкий спад в жилищном строительстве. Резко сократились продажи автомобилей. Есть предположения, что малый бизнес переживёт этот кризис несколько легче, чем крупный. Хотя по этому поводу вспоминается известная шутка.

Приходит человек в банк и говорит:

- Здравствуйте, я хотел бы организовать предприятие малого бизнеса.

Ему отвечают:

- Нет ничего проще: организуйте предприятие крупного бизнеса и подождите несколько месяцев.

Что касается общественных сфер, хотел бы заметить принципиальную вещь: убеждён, что в силу косности российской политической системы и запуганности возможными социальными катаклизмами, российская власть, растерявшись в критической ситуации, своими действиями не только не способствует выходу из кризиса, но и, скорее всего, его углубляет.

Например, 17 октября 2008 г. при обсуждении во втором чтении федерального бюджета на 2009 г. в Государственной Думе руководитель Счётной палаты Сергей Степашин объявил, что общая сумма поддержки банковского сектора в России составит примерно 4 трлн. рублей. Позднее Президент Дмитрий Медведев объявил, что это будет 5 трлн. Ещё позднее Председатель Правительства РФ Владимир Путин, собрав банкиров, с возмущением рассказывал о том, как эти деньги превращаются в иностранную валюту и вывозятся за рубеж.

Обратимся к **социальной сфере**. Известно, какими методами старались выйти из кризиса власти, в т.ч. в рыночной экономике, в капиталистических странах в различные эпохи. Классическая версия – политика Рузвельта после «Великой депрессии». Российская власть, как мне представляется, делает всё ровно наоборот.

После войны с Грузией решили проводить реформу в армии. Реформу армии решили проводить по достаточно жёсткому варианту – в ближайшее время будут

сокращены 100-150 тыс. офицеров. Причём не известно, получают ли они необходимые социальные гарантии. А если они их получают, то затраты бюджета будут на два порядка больше, чем если бы эти люди продолжали служить.

В 2009 г. российское правительство вводит в действие закон о едином государственном экзамене (ЕГЭ). Этот закон приведёт к тому, что значительная часть молодёжи, предположительно, несколько сот тысяч человек, не смогут в условиях кризиса трудоустроиться и при этом не смогут получить образование, в том числе даже за деньги. Если бы речь шла об экономии бюджетных расходов (я, естественно, считаю, что экономить на образовании – хуже, чем топить ассигнациями), это бы укладывалось в какую-то логику, логику монетаристов. В данном случае людей искусственно ограничивают в доступе к образованию, даже на коммерческой основе.

По оценкам экспертов Минобрнауки и Рособрнадзора, примерно от 5% до 10% выпускников школ не получат аттестатов и не смогут продолжить образование. Эти данные могут оказаться значительно выше, поскольку в 2008 г. не сдали литературу 25%, а математику 23% выпускников. Более того, выпускников школ, людей, получивших среднее образование до вступления в силу закона о ЕГЭ, «задним числом» будут заставлять поступать через ЕГЭ, а поскольку их готовили к другим экзаменам, это резко затруднит поступление и, соответственно, получение ими профессионального образования. Причем не только на бюджетной основе, не только в государственных вузах, но также в негосударственных вузах. Это искусственное создание армии «лишних людей». Понятно, что результаты такой политики могут быть самые разные: от левого радикализма до скинхедов. И понятно, что таким образом увеличивается количество «горючего материала» в российском обществе.

На мой прямой вопрос на заседании Комитета по образованию Госдумы: для чего это делается, не является ли министр образования и науки А. Фурсенко агентом каких-нибудь радикальных сил в Российской Федерации, и почему правящая политическая элита «раскачивает лодку» вместо того, чтобы успокаивать течение, - замминистра образования и науки Ю. Сентюрин мне ответил (близко к тексту): Андрей Александрович не считает социальную функцию образования значимой, но полагает, что основной задачей является повышение качества образования. На это я вынужден был жестко заявить, что уже через год мы проверим, кто был прав: Ф. Рузвельт или А. Фурсенко.

Третий пример, который можно привести, это попытка повышения таможенных пошлин на импортные автомобили и запрет «правого руля» (что уже вызвало волну протестов на Дальнем Востоке). Впервые за последнее время в России массовые акции протеста выдвинули лозунг отставки правительства - правительства В. Путина, который до последнего времени отличался высоким уровнем доверия в Российской Федерации. Весь опыт революционных ситуаций в мире показывает, что никто нико-

гда не может предсказать, какое именно действие в условиях нестабильности может вызвать социальный взрыв.

Повторяю: власть страшно боится «оранжевых» революций, но никому в России, кроме самой власти, организовать такую революцию не под силу. Вспоминается известная грустная шутка, что царю Николаю II следовало бы вручить орден Октябрьской революции за создание революционной ситуации в России. В Государственной Думе я неоднократно заявлял, что если кто-то хочет узнать адрес организаторов потенциальных «оранжевых» революций в России, знаю его доподлинно: правительство РФ.

Число примеров такого рода можно было бы увеличить, но совершенно очевидно, что власть очень напугана кризисом, но, тем не менее, его углубляет.

Если продолжить размышления об обществе знаний, то на мой взгляд, непосредственные причины кризиса лежали не в кризисе так называемой «экономики знаний», а сфере финансовых спекуляций. Что касается более глубоких его причин, они выявятся, скорее всего, только после окончания кризиса. Но меньше всего, думается мне, это кризис «общества знаний». Скорее, наоборот: **этот кризис при позитивном завершении должен подтолкнуть мир на пути к «обществу знаний»**. К кризису привела сырьевая экономика, а современный высокотехнологичный бизнес пострадал от него в меньшей степени. Надеюсь, кризис станет толчком к развитию современного высокотехнологичного бизнеса, «экономики знания» и, в конечном счете, «общества знания».

А теперь о **программах выхода из кризиса**. Начну с того, что в принципе существует связь различных антикризисных программ с определенными школами в области экономической теории, социально-политическими учениями, определенными идейными течениями.

В самом общем виде наиболее популярные модели выхода из кризиса связаны с неolibеральной экономической теорией или с теорией регулирования экономики, типа кейнсианства и его последователей.

Понятно, что неolibеральная модель мне представляется не приемлемой, прежде всего, потому, что она чревата колоссальными потерями для основной массы населения. По сути дела, ценностный вопрос один: за чей счет выходить из кризиса?

Известна позиция некоторых профессионалов, которые говорят, что такая постановка вопроса не корректна, что это кризис экономической системы в целом. Социально дифференцированный подход не корректен, поскольку социально-экономические индикаторы никак не связаны ни с какими классами. Есть проблемы с инфляцией, есть проблемы с инвестициями, есть проблемы с экономическим ростом,

Вместо ответа этим «профессионалам» я расскажу историю собственной полемики на заседании Государственной Думы 17 октября 2008 г., когда принимали бюджет на 2009 г. Итак, когда С. Степашин «озвучил», что четыре триллиона выделяется

на поддержку банков, я предложил обсудить поправку к бюджету, которая предполагала выделение 500 млрд. руб. (т.е. в восемь, а на самом деле, как выяснилось позднее, – в 10 раз больше этой суммы) на повышение оплаты труда интеллигенции во всех российских регионах. Подчеркну: впервые за 18 лет моей работы в Парламенте в бюджете 2009 г. (кризисном) не было предусмотрено ни рубля на повышение заработной платы учителю, врачу, работнику культуры, социальному работнику, т.е. тем, кто создает человеческий потенциал и кто создает будущее «общество знаний». Регионы оставлены один на один со своей интеллигенцией. Эту свою поправку я обосновывал, в частности, тем, что согласно официальным данным, инфляция за 2008 г. должна составить 13,5%; по данным Центра социальных исследований РАН, – порядка 25%; по данным профсоюзов, – порядка 30%. Моя поправка реально означала бы не повышение заработной платы, а компенсацию роста цен на товары первой необходимости для интеллигенции за 2008 г.

А. Кудрин (это есть в стенограмме) долго объяснял, почему этого делать нельзя. После чего большинство Государственной Думы, состоящее их «Единой России» и ЛДПР, мою поправку не поддержало. В ответ я обвинил правительство и его сторонников в классовом подходе. И действительно, если мы можем найти пять триллионов банкам и банкирам, которые вывозят эти деньги за рубеж, обращая их в иностранную валюту, почему мы не можем найти сумму, в десять раз меньшую, для всей российской интеллигенции? Что бы мне ни говорили, что это чисто «техническое решение», ни я, ни представители интеллигенции в это никогда не поверят.

Я не экономист, но глубоко убежден в следующем.

1. Мы не можем перекладывать всю тяжесть кризиса на плечи людей с низкими доходами или средних слоев. Поясняю: мне известна китайская программа выхода из кризиса, она расписана значительно более детально, чем у американцев. Китайское правительство основную часть средств выделяет на прямую поддержку малого и среднего бизнеса. Это решение одновременно и социальное, и техническое. Полагая, что именно в этом секторе наиболее быстро создается ВВП, именно этот сектор способен наиболее быстро создавать налоговую базу бюджета, именно этот сектор способен создавать рабочие места. Таким образом, они помогают и бедным слоям населения.

Что касается экономической программы российского правительства, то она, на мой взгляд, отличается гораздо большей «правизной», даже по сравнению с американской или британской, не говоря уже о том, что в России основная часть средств выделяется не просто крупному бизнесу, но крупному бизнесу, афилированному с властью. Интересно, что на «прямой линии» с народом Председатель «Единой России» и премьер-министр РФ В.Путин на вопрос о том, почему речь идет о помощи крупнейшим компаниям, объяснял народу, что именно так и надо действовать. Хотя не думаю, что ему удалось убедить весь народ.

Что касается **послекризисного развития**, я считаю, что пока можно говорить только об основных возможных сценариях. Понятно, что Великая депрессия породила разные сценарии послекризисного развития: с одной стороны, явный сдвиг влево в виде политики Рузвельта, с другой – явный сдвиг вправо (что бы там ни говорили) в виде политики Гитлера. Хотя политика Гитлера в экономике тоже была связана с государственным регулированием, но в целом – это, конечно, сдвиг вправо. Надеюсь, что в современных условиях правы окажутся те эксперты, включая заключенного М. Ходорковского, которые прогнозируют «левый поворот». По крайней мере, мне этот путь представляется наиболее перспективным по одной простой причине: если мы принимаем установку ООН о том, что ключевой для развития экономики становится проблема человеческого потенциала, развивать человеческий потенциал без активной социальной политики не возможно. **Если действительно «продвинутые» страны намереваются продвигаться к «обществу знаний», значит «левый поворот» является категорическим императивом.**

Чем отличается социальное прогнозирование от других прогнозов? Оно отличается вероятностным характером. Не потому синоптик ошибается один раз, но каждый день, в отличие от астронома, который предсказывает солнечное затмение на сто лет вперед, что синоптик заведомо глупее, а потому что факторов, влияющих на погоду, гораздо больше. Так и социальные процессы – это процессы многофакторные.

Думаю, что наиболее вероятный сценарий на сегодняшний день – это все-таки «левый поворот».

Так встает вопрос: *можно ли считать Россию страной, в которой можно ожидать «левый поворот», в чем-то подобный тому, что происходит сейчас в ряде стран Латинской Америки?*

Замечу: я никогда не скрывал своих политических взглядов и для меня очень интересен и симпатичен опыт проведения социальной политики в странах Латинской Америки. Хотелось бы надеяться, что какая-то из моделей социализма (условно говоря) окажется уже на данном этапе жизнеспособной, способной сочетать достаточно высокую степень социальной справедливости с достаточной экономической эффективностью и (вынужден сказать, конкурентоспособностью. Хотя не считаю, что конкурентоспособность должна оцениваться как ключевой фактор современной экономики или других общественных сфер.

Что касается России, мой прогноз здесь намного более пессимистичен по следующим причинам:

1. Российская политическая система отличается крайней негибкостью. У нас фактически сложился авторитарный режим с элементами демократии. У нас сложилась система, которую называют «многопартийная система с монопольно господствующей партией» или, пользуясь не строгим термином, «малопартийная система». Фактически российская «партия власти» не представляет собой таковую, скорее – клиентелу. Не

случайно шутят, что на Западе Парламент формирует правительство, а в России правительство формирует Парламент. Или другая версия той же шутки: на Западе партия власти – это партия, которая имеет власть; в России же – это партия которую имеет власть. Я не ожидаю, что через партийную структуру, которая по идее должна была бы влиять на проводимую политику, удастся что-то сделать. Более того, вопреки теории легитимации конфликта, в России все более ограничивается степень политической свободы. Я не раз говорил в Государственной Думе, обращаясь к коллегам из партии власти: если они хотят, чтобы «котел» не взорвался, «пар» надо выпускать хотя бы в «свисток». По свободе информации мы ни разу за пять лет не поднялись выше 121-го места, по оценкам «Репортеров без границ». Последние данные: 144-е из 167-ми. Зато по уровню коррупции мы, кажется, опустились с 90-го на 147-е.

Повторю: *боясь «оранжевых» революций, власть, ограничивая свободу в обществе, на самом деле их провоцирует.* Последнее действие в этом направлении – продление сроков полномочий Президента и Парламента. Когда меня спросили, поддерживаю ли я такое продление, я ответил: нет, не поддерживаю, уж, если продлять, то пожизненно. По крайней мере, не будет иллюзий, что в России есть какая-то демократия, пусть даже «суверенная». Хотя суверенная демократия – это демократия, «суверенная» от свободы.

Я думаю, что в России в таких условиях резко увеличивается вероятность разно-го рода конфликтов. Ситуация на Дальнем Востоке – это «первая ласточка», на которую я бы на месте властей обратил серьезное внимание. Но, говорят, что российское правительство не отступит от своих намерений, поскольку оно считает уступки проявлением слабости. Поживем – увидим. Мой прогноз заключается в том, что в ситуации, когда перекрыты легальные формы разрешения конфликтов, резко повышается вероятность проявления форм нелегальных.

В заключение подчеркну: для меня вполне однозначен своего рода «урок» этого кризиса (хотя немногие, наверное, с ним согласятся): нельзя сидеть на «нефтяной игле». Собственно, с этим согласились уже и власти, но саживаться с нее они собирались до 2020 г. Столько времени нам никто не отпустил. Если обращаться к любимому вопросу российской интеллигенции: кто виноват? – я позволил бы себе напомнить недавнюю дискуссию, которая недавно состоялась у меня с Председателем думского Комитета по экономической политике Е.Федоровым. Он сказал, что повинны в наших бедах иностранные державы, которые заставили нас ликвидировать все наше инновационное законодательство под лозунгом: иначе вас не пустим в ВТО. Отвечая ему я позволил себе повторить вопрос героя Е. Шварца: зачем же ты был первым учеником? Вторую часть этого вопроса, содержащую нелицеприятную оценку, я на всякий случай опустил.

Я глубоко убежден, что искать виноватых «за бугром» бессмысленно. Заговоры всегда были, всегда будут. В условиях рыночной экономики любое государство все-

гда будет рассматривать другое как конкурента на мировом пространстве. Совершенно естественно, что были попытки давления на российские власти. Но, возникает вопрос: почему российские власти послушно следовали этим требованиям? Сомнительно, использовались ли здесь только методы давления или и метода подкупа тоже?

В любом случае *урок кризиса для меня таков: надо быстрее двигаться в сторону «общества знаний», быстрее наращивать человеческий потенциал.* В отличие от так называемой подушки Кудрина, его растратить намного труднее.
